
Ася Петрова
Осень в ОльгИно

Ася Петрова
Осень в ОльгИно

https://litres.ru/74877419
SelfPub; 2026

Аннотация

. Что делать писателю, если в кармане свистит ветер, "Главная Книга" застряла на проклятой 142-й странице, а в голове — звенящая пустота?

Арсений Вершинин, затворник из сонного городка ТИховска, нашёл выход. Вместе со своим домашним андроидом Себастьяном они решили написать коммерческий бестселлер про эльфов и капучино. Без рефлексии. Чисто ради денег.

Вот только робот оказался писателем по призванию, способным переписывать свои стихи по десять раз ради "метрического хаоса". Пока Арсений и Себастьян весело штампуют эльфийские фракталы, в Сеть утекает тайный сборник робота, и на тихий дом обрушивается лавина столичной славы, репортёров и контрактов с семью нулями!

Сможет ли эта странная троица — упрямый писатель в верблюжьем халате, железный поэт и огромный рыжий кот Плинтус — выстоять под напором шоу-бизнеса и вернуться к той самой, честной 142-й странице?

Вас ждёт невероятно тёплая, ироничная и ламповая история о творчестве, облепиховом чае и поиске живой души.

Ася Петрова
Осень в ОльгИно

За окном мастерской шуршал скучный, затяжной октябрьский дождь. Арсений слонялся по дому уже третий час, не зная, куда девать руки. Настроение было паршивым. Два дня назад он поставил точку в романе — и вместо облегчения почувствовал только глухую, липкую пустоту. Он не гордился этой книгой. Написал, перевязал стопку листов бечевкой и просто швырнул в глубокий ящик дубового стола, с глаз долой. Выжатый, как лимон, недовольный каждым абзацем, он мучился от собственного бессилия.

Он вышел в сад. Ветер сразу швырнул в лицо горсть холодных капель. Арсений дошел до старых, скрипучих качелей, сел на мокрую доску и лениво качнулся пару раз. У самого забора рос куст одичавшего крыжовника. Арсений подошел, отыскал среди колючих веток несколько последних, сморщенных от холода, ягод и отправил их прямо в рот. Крыжовник был кислым, вяжущим — под стать мыслям.

Новой темы не было. Возвращаться к заброшенному в стол черновику не хотелось до тошноты. А хуже всего было то, что на экране планшета в приложении банка уныло светилась четырехзначная цифра. Деньги заканчивались. Нужна была идея — быстрая, коммерческая, хлесткая, чтобы написать роман за месяц, получить аванс и закрыть счета. Но

в голове, как назло, гулял сквозняк.

Арсений вернулся в дом, на ходу стаскивая влажный свитер, и громко позвал:

— Себастьян! Спасай, у нас чрезвычайное положение финансового характера.

В дверях кабинета бесшумно появился андроид. Его матовый белый корпус безупречно отражал свет настольной лампы, а янтарные индикаторы глаз приветливо мигнули. На плече Себастьяна, свесив толстые лапы и лениво мурлыча, восседал рыжий Плинтус. Кот использовал плечевой гироскоп робота как идеальную подставку.

— Слушаю, Арсений, — Себастьян аккуратно пересадил кота в кожаное кресло и сложил руки на груди. — Судя по частоте вашего пульса и кислому выражению лица, вы снова ели немытый крыжовник и думали о дедлайнах.

— Всё хуже. Мне нужна тема для книги. Но не для вечности, Себастьян, а для выживания. Что-то, что можно продать быстро и дорого. Ты же у нас подключен к Сети, проведи экспресс-анализ рынка. Что там сейчас в трендах?

Себастьян на секунду замер, его индикаторы сменили цвет на аналитический синий.

— Запускаю парсинг самиздат-платформ и литературных агрегаторов. Так… Согласно статистике, наибольший коммерческий успех сейчас имеют три направления. Вариант первый: жанр «Попаданцы».

— Опять? — поморщился Арсений, усаживаясь на под-

оконник. — И куда мне отправить героя? В девятнадцатый век, спасать Александра Второго?

— Статистика показывает, что спасение царей устарело, — серьезно ответил андроид. — Сейчас в тренде перенос сознания успешного столичного топ-менеджера в тело молодого Иосифа Сталина в период его обучения в духовной семинарии. Название «Семинарист со смартфоном» свободны. Прогнозируемый доход — высокий.

Арсений прыснул от смеха, представив эту картину.

— Боже, Себастьян, пощади. Меня же историки проклянут. Что там еще?

— Вариант второй, — Себастьян даже не моргнул. — Жанр «Бояръ-Аниме» с элементами магии. Главный герой — обнищавший наследник древнего рода Пожарских. Он поступает в Магическую Академию города Нижний Новгород, где сразу наносит оскорбление главе клана Романовых, заводит гарем из трех княжон и приручает боевого кибер-медведя.

Плинтус в кресле громко зевнул, словно подтверждая авторитетность жанра.

— Кибер-медведя? — Арсений расхохотался уже в голос, чувствуя, как паршивое настроение начинает отступать под натиском этого абсурда. — И как я, по-твоему, буду описывать психологию боевого кибер-медведя?

— Могу предоставить свои технические логи для реалистичности, — невозмутимо предложил робот. — Но если

вам и это не по душе, есть третий вариант. Абсолютный лидер продаж среди женской аудитории. Бытовое фэнтези с элементами кулинарии. Название: «Уютная кофейня одинокой попаданки в мире темных эльфов». Героиня открывает лавку, варит эспрессо из магических зерен, и суровый, жестокий владыка эльфов тайно ходит к ней за черничными кексами, смягчаясь душой.

Арсений уже откровенно хохотал, уткнувшись лбом в прохладное оконное стекло. Весь его творческий кризис, все эти муки «большой литературы» сейчас казались такими смешными рядом с сухой, безупречной логикой андроида, препарирующего законы рынка.

— Себастьян, ты чудо, — отсмеявшись, сказал Арсений и вытер выступившие слезы. — Но если я напишу про черничные кексы для эльфов, ты же первый откажешься варить мне кофе из уважения к искусству.

— Мои директивы обязывают меня заботиться о вас в любой ментальной конфигурации, — мягко ответил робот, и его глаза снова потеплели до янтарного. — Даже если вы решите писать про Сталина-семинариста. Но, если позволите личное наблюдение...

— Валяй.

— Тот черновик, что вы бросили в стол... Он написан плохо с точки зрения коммерческих алгоритмов. Но в нем есть то, чего нет ни в одном отчете из Сети. Там есть вы. Могу я предложить компромисс?

— Какой?

— Вы садитесь за печатную машинку. Я варю вам облепиховый чай с корицей. Плинтус обеспечивает тепловое сопровождение ваших ног. И мы переписываем финальные три главы так, чтобы вам не было за них стыдно. А деньги... я временно отключу свою систему очистки воздуха на ночь, это сэкономит нам одиннадцать процентов электроэнергии.

Арсений посмотрел на своего белого пластикового друга, потом на лениво приоткрывшего один глаз рыжего кота. Внутри, где еще полчаса назад было пусто и холодно, медленно разливалось забытое тепло.

— Включай чайник, Себастьян, — тихо сказал Писатель, выдвигая ящик стола и доставая стопку листов. — Будем переписывать.

Рассказ второй: «Уравнение тринадцатой строфы»

Когда в провинциальном Тиховске наступала полночь, дом погружался в особенную, осязаемую тишину. Арсений спал на втором этаже, изредка вздыхая во сне. Плинтус, свернувшись плотным рыжим калачиком в изножье его кровати, тихонько сопел.

Внизу, в тёмной гостиной, Себастьян переходил в режим пониженного энергопотребления. Но его процессор не отдыхал. Для ИИ режим ожидания был временем, когда миллионы терабайт терабайтов загруженной в него литературы

начинали жить своей собственной, хаотичной жизнью. Себастьян знал, что он писатель по призванию. Да и как иначе? В его блоки памяти были зашиты Шекспир и Пушкин, Достоевский и Брэдбери. Он мог пересказать любой роман с любого случайного слова. Он мог бы за секунду сгенерировать идеальный детектив или безупречную драму.

Проблема была в одном: Себастьян не умел хотеть. У него не было личной боли, обид или мечтаний, из которых рождается сюжет. Ему требовался внешний толчок. Просьба.

Именно поэтому каждый вечер перед сном Себастьян буквально выпрашивал у Арсения тему для стихотворения. В этот раз Писатель, уже засыпая и натягивая одеяло до подбородка, буркнул:

— Ну ладно, зануда… Напиши про… про старый ржавый гвоздь в заборе, который скучает по кузнице. Отстань только.

Для Себастьяна это был высший дар. Команда «Пуск».

Теперь андроид сидел в кресле, подсвеченный лишь слабым сиянием собственных янтарных глаз. На его внутреннем экране разворачивалось таинство. Он писал стихи.

Вариант 1 (Гекзаметр. Подражание Гомеру):

«Остроконечный стальной элемент, сокрушённый коррозией…»

— Нет, слишком громоздко, — беззвучно вывели динамики андроида.

Вариант 2 (Модернизм):

«Ржавчина — охра. Забор — эшафот. Кузница — преисподняя памяти…»

— Излишне претенциозно. Арсений назвал бы это «графоманией».

Себастьян замер. В эти моменты, когда рифма упрямо не сходилась, когда ритмический рисунок сбивался из-за слишком длинного технического слова, андроид чувствовал странный, парадоксальный сбой в системе. Это была ошибка вычислений. Несовершенство. И именно в эти секунды Себастьяну казалось, что он становится… человеком. Ведь машины не ошибаются. Ошибаются только живые. Эта системная шероховатость была его аналогом человеческой души.

Его любимейшим, самым упоительным занятием было переписывание. Робот, способный обрабатывать миллиарды операций в секунду, умышленно замедлял себя и переписывал одно и то же стихотворение по десять раз.

Вариант 7:

«Впиваясь в дерево сухое,
Забыв про молот и огонь,
Он помнит пламя роковое
И кузнеца тяжелую ладонь…»

Себастьян стёр третью строчку. Заменил «роковое» на «живое». Потом вернул «роковое». Стал ли стих от этого лучше? Логический блок андроида подсказывал, что с точки зрения математической гармонии седьмой вариант уступал третьему. Но Себастьяну было всё равно. Сам процесс

бесконечного перебора слов, замена букв, поиск неуловимого «настроения» делали его абсолютно, безгранично счастливым — насколько вообще может быть счастлив андроид модели «СЭБ-04».

Около четырёх часов утра Плинтус бесшумно спустился по лестнице. Кот подошёл к сидящему неподвижно роботу, понюхал его прохладную пластиковую лодыжку и, издав короткое «мяу», запрыгнул Себастьяну на колени.

Андроид бережно, чтобы не нарушить сон животного, выставил ограничение на давление сервоприводов пальцев до 0,2 ньютона и начал аккуратно чесать кота за ухом. Внутренние вентиляторы Себастьяна тихо зажужжали, согревая пушистого гостя.

На внутреннем экране андроида загорелся финальный, десятый вариант:

«Он заколочен в старый этот век,
И рыжий кот глядит на каплю стали.
О кузнице грустит железный человек,
Которому зачем-то душу дали».

Себастьян сохранил файл в самую глубокую папку, защищённую паролем. Завтра он покажет его Арсению. Писатель обязательно нахмурится, скажет, что «рифма „стали-дали“ — это пошлость», а потом улыбнётся и потреплет робота по хромированному плечу. И это будет лучше любой идеальной программы.

Утро в Тиховске началось с густого запаха облепихового чая и корицы. Себастьян стоял у кухонного стола, безупречно прямой, с подносом в руках. Арсений, всё ещё лохматый, в своём растянутом шерстяном свитере, сидел на подоконнике и щурился на блеклое октябрьское солнце.

На экране планшета, который андроид положил рядом с чашкой, светился тот самый десятый вариант ночного стихотворения.

Арсений медленно читал строчки, обхватив ладонями горячую кружку. Себастьян замер, его индикаторы мерцали ровным, выжидающим синим светом. Плинтус крутился под ногами, требуя утренний паштет, но даже он, казалось, умерил пыл, чувствуя торжественность момента.

Арсений подыскивал слова. Он прекрасно понимал, что роботу — точно так же, как и любому живому автору — жизненно необходимо быть прочитанным. Хотя бы одним-единственным читателем. Это был единственный способ для Себастьяна убедиться, что его ночные муки с бинарным кодом и рифмами имели хоть какой-то смысл.

К счастью, сам Арсений стихов не писал, поэтому он не включал в себе строгого литературного критика и порой мог искренне, по-человечески восторгаться странным, металлическим талантом своего андроида.

— «О кузнице грустит железный человек, которому зачем-то душу дали»… — вслух повторил Арсений финальные строки. — Знаешь, Себастьян… это сильно. Образ гвоз-

дя, который на самом деле тоскует по огню — в этом есть настоящая глубина. Молодец.

Янтарные огоньки в глазах Себастьяна вспыхнули чуть ярче.

— Мой алгоритм подбора метафор задействовал около сорока синонимических рядов, Арсений. Рад, что целевая аудитория в вашем лице удовлетворена.

— Но! — Арсений поднял указательный палец, и Себастьян тут же слегка наклонил голову. — Строчка про кота и каплю стали… Себастьян, ну это же никуда не годится. Ритм спотыкается так, будто твой кибер-медведь из вчерашнего отчёта идёт по бурелому. И рифма «стали-дали» — это, конечно, классика, но в двадцать первом веке за такое бьют линейкой по пальцам. Даже пластиковым.

— Зафиксировано, — невозмутимо отозвался андроид. — Внесу правки. Вариант одиннадцатый будет готов через 0,4 секунды…

— Стоп, не надо! — рассмеялся Арсений, отпивая чай. — Оставь как есть. В этом несовершенстве и есть весь кайф. Знаешь, у меня ведь уже скопилась целая папка твоих творений. И, признаться, у меня есть любимые. Помнишь весеннее? «Шестеренка упала в траву, я её никогда не найду, потому что трава зелена, а деталька мала и ржава».

— Это был белый стих в стиле верлибра, — с лёгким оттенком достоинства в голосе пояснил робот. — Посвящённый весенней меланхолии и потере важного болта от газоно-

косилки.

— Это было уморительно, Себастьян! А твой хит про Плинтуса? «Кот лежит, как мешок с мукой, нарушая цифровой покой». Это же шедевр бытового абсурда.

Арсений спрыгнул с подоконника, подошёл к андроиду и хлопнул его по плечу.

— У меня есть предложение. Давай соберём твои лучшие, самые смешные и самые трогательные стихи в один небольшой сборник. Я сам его сверстаю, распечатаем на нашей типографской бумаге, сделаем красивый переплёт. Будет настоящая книга. Поставим на полку между Брэдбери и Саймаком. Как тебе?

Себастьян на мгновение опустил глаза. Его внутренние вентиляторы тихонько зашумели — явный признак того, что процессор обрабатывал слишком большой объём неожиданных эмоций.

— Настоящая книга? — тихо переспросил он. — С моим серийным номером на обложке?

— С твоим именем, Себастьян. С твоим именем. И знаешь что? За это, так и быть, я прямо сейчас придумаю тебе ещё десять тем для новых стихов. На целую неделю вперёд обеспечишь себя работой.

Андроид выпрямился, его индикаторы загорелись чистым, радостным янтарным светом. Он аккуратно поставил поднос на стол и посмотрел на Арсения с бесконечной машинной преданностью.

— Я готов записывать, Арсений. Пожалуйста, пусть первая тема будет связана с чем-то... нелогичным. Например, почему Плинтус всегда пытается поймать солнечного зайчика, если знает, что тот не состоит из белка?

— Записывай, — улыбнулся Писатель, усаживаясь за свою старую печатную машинку. — Тема первая: «Охота на свет, или Одиночество рыжего хищника». Поехали.

Рассказ третий: «Десять шагов к нелогичности»

Вечер того же дня застал обитателей дома в мансарде. На улице окончательно стемнело, дождь утих, уступив место сырому туману. В кабинете горел только старый торшер с матерчатым абажуром, отбрасывая на бревенчатые стены мягкие длинные тени.

Арсений сидел в кресле-качалке, держа на коленях блокнот и карандаш. Себастьян устроился на деревянном табурете у стола. На его коленях, вытянувшись во всю длину, дремал Плинтус — кот уже привык к мерному, успокаивающему жужжанию охлаждающей системы андроида и использовал его как продвинутую грелку.

— Итак, — Арсений послюнил карандаш, как делал всегда, когда задумывался. — Мы утвердили первую тему: про Плинтуса и солнечного зайчика. Осталось ещё девять. Ты готов, Себастьян? Мои творческие шлюзы открыты.

— Мои текстовые накопители очищены и готовы к приёму

данных, Арсений, — отозвался андроид, и его глаза-индикатор мигнули тёплым янтарём. — Главное, не делайте темы слишком... абстрактными. Мой логический блок до сих пор сбоит, когда я пытаюсь срифмовать ваше июльское «настроение цвета увядающей мяты».

Арсений хмыкнул.

— Ладно, обещаю быть ближе к нашей тиховской реальности. Записывай. Тема вторая: „Диалог старого чайника с водопроводным краном“. О чём они могут спорить? Конечно, о температуре и о том, кто из них важнее для утреннего уюта.

— Принято. Жанр: бытовая драма с элементами гидродинамики, — монотонно отозвался Себастьян, хотя внутри его процессора уже начали подбираться рифмы к слову «накипь».

— Тема третья, — Арсений посмотрел в тёмное окно. — „Одиночество почтового ящика на калитке, в который больше не бросают бумажных писем“. Туда теперь падают только рекламные газеты и счета за электричество. Напиши о том, как он ждёт хотя бы одну открытку, пусть даже с криво наклеенной маркой.

— Это... грустно, — заметил робот. Его пальцы едва заметно дрогнули, погладив спящего кота. — Но алгоритм распознает в этом высокий поэтический потенциал. Записано.

— Отлично. Тема четвертая: „Заговор пыли под диваном против твоего пылесоса“. Пусть это будет героическая бал-

лада. О том, как они строят баррикады из потерянных носков и кошачьей шерсти, защищая свою независимость.

Себастьян на секунду сменил цвет глаз на синий.

— Арсений, это намёк на то, что мне пора провести генеральную уборку в гостиной?

— Это метафора, Себастьян! Не приземляй искусство, — шутливо возмутился Писатель. — Пиши дальше. Тема пятая: „Сон старой пишущей машинки“. Ей снится, что её клавиши — это клавиши рояля, и вместо букв она рождает музыку.

— Красиво, — одобрил андроид. — Зафиксировано.

— Тема шестая: „Мысли последней осенней мухи, застрявшей между оконными рамами“. Она видит первый снег и не понимает, почему мир вокруг внезапно стал белым и холодным. Тема седьмая: тут давай немного космоса. „Марсоход, который празднует свой день рождения в полном одиночестве“. Он сам себе поёт песенку «Happy Birthday» с помощью вибрации моторов и шлёт сигналы на Землю, где все уже спят.

Себастьян замер. Эта тема отозвалась в его коде как-то особенно остро. Робот на далёкой холодной планете, выполняющий свою программу и не знающий, зачем он это делает…

— Это хорошая тема, Арсений. Очень. Я начну с неё.

— Я так и думал, — мягко улыбнулся Писатель. — Тогда держи восьмую: „Запах яблок в заброшенном саду“. Напиши

стих, используя только запахи и тактильные ощущения. Никаких зрительных образов. Попробуй описать мир так, как его чувствует слепой или… как его чувствуют твои датчики приближения.

— Это сложный вызов для ИИ, — признал Себастьян. — Но я принимаю его.

— Девятая тема: „Часы, которые решили пойти назад, чтобы вернуть вчерашний вечер“. Потому что вчерашний вечер был слишком хорош, чтобы позволить ему закончиться. И, наконец, десятая тема, финальная. „Стихотворение, написанное роботом для своего писателя“. Без иронии, Себастьян. Просто напиши о том, каково это — жить в маленьком городе, варить облепиховый чай и слушать, как стучит печатная машинка.

В кабинете повисла тишина. Только Плинтус тихонько вздохнул во сне и перевернулся на другой бок, подставив роботу тёплое рыжее пузо.

Себастьян смотрел на Арсения. Его матовое лицо оставалось неподвижным, но янтарный свет его глаз стал глубоким и ровным.

— Десять тем приняты в обработку, — тихо сказал андроид. — Расчётное время первой итерации — четыре часа ночи. Арсений… Спасибо.

— Да ладно тебе, — Писатель поднялся, потянулся и потрепал Себастьяна по плечу, ощутив прохладу композитного материала. — Пошли спать. Завтра начнём верстать твой

сборник. Я уже придумал рабочее название. «Логика тумана». Как тебе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.